

Рецензионные рассуждения по монографии Т. А. Алексеевой «Глава испанского государства: история конституционализации»¹

Арановский Константин Викторович

доктор юридических наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье автор рассматривает монографию Алексеевой Т. А. «Глава испанского государства: история конституционализации». Автор отмечает актуальность исследования Т. А. Алексеевой института главы государства как актуального в современных условиях. Автор отмечает, что это историко-правовое исследование имеет все основания притязать как на признание в конституционно-правовой компаративистике, так и в науке конституционного права в широком теоретическом смысле. Автор анализирует роль монархии как института, с одной стороны, оказывающего сдерживающее воздействие на состояние общества, а с другой — выступающего основой в том числе и для демократического общественного устройства, опираясь на силу закона. Исследование Т. А. Алексеевой доказывает, что вольное и небрежное обращение с государственно-правовыми институтами обходится дорого людям, сословиям и народам.

Ключевые слова: Алексеева Т. А., глава государства, конституционализм, государственные институты

Reviewed Reasoning Based on the Monograph by Tatyana Alekseeva “The Head of the Spanish State: the History of Constitutionalization”

Konstantin V. Aranovsky

Doctor of Science (Jurisprudence), Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

In the article, the author examines the monograph by Tatyana Alekseeva. “The Spanish Head of State: A History of Constitutionalization”. The author notes the relevance of the study by Tatyana Alekseeva Institute of the Head of State, as relevant in modern conditions. The author notes that this historical and legal study has every reason to claim recognition in constitutional and legal comparative studies, as well as in the science of constitutional law in a broad theoretical sense. The author analyzes the role of the monarchy as an institution, on the one hand, exerting a restraining effect on the state of society, and on the other, serving as the basis, including for a democratic social order, based on the force of law.

Research by Tatyana Alekseeva proves that free and careless treatment of state and legal institutions is costly for people, estates and nations.

Keywords: Alekseeva Tatyana, head of state, constitutionalism, state institutions

На страницах новой своей монографии Т. А. Алексеева в академически внятном и живом изложении ведет историко-правовое исследование института главы государства в разнообразии его ипостасей, начиная с происхождения и многозначности этого термина. Выражение «глава государства» не так давно поступило в первые ряды политико-правовой лексики, где оно и представляет эту правящую инстанцию собственной персоной в синтетическом понятии. С ним в науку, политику и практическую юриспруденцию явилось всем теперь известное и как будто простое обобщение, в котором, однако, иногда кое-что выглядит путанным. Так и бывает обычно в полисемии емких понятий, особенно если их осложняют разобщенные политические убеждения и доктринальные неясности.

Автор книги берет главу государства как объект исследования на благодатной для этого почве, которую представляет собой испанская политико-правовая история в ее разных руслах: как в условно правомерном ее течении, так и в перерывах законной государственности. Т. А. Алексеева — известный среди правоведов испанист со многими публикациями по истории испанского конституционного права. Много места в монографии занимает статус монарха, причем не столько ввиду особенных достоинств, которых, впрочем, у монархии не отнять, сколько потому, что законная испанская государственность двух последних столетий была представлена главным образом в монархической форме, притом что президентство там было недолгим и невзрачным, а франкизм — незаконным.

¹ Алексеева Т. А. Глава испанского государства: история конституционализации. М. : Проспект, 2021, 256 с.

Исследование протекает главным образом в конституционно-правовом измерении — именно эту систему правовых координат автор принимает за ориентиры в присущих ей знаках и смыслах, даже когда речь идет об институтах, созданных вопреки конституционному праву. Ведь и в посягательствах на его основы это право остается собою, пока не угаснет, и реально себя выказывает в настоятельной императивности, в требовательной силе, которую не теряет хотя бы и в негативе, когда оно, путь и поприданное, обличает беззаконие, обрекает на осуждение узурпацию и не оставляет произволу надежды на легитимность. Беззаконную власть, даже когда она уверенно торжествует, конституционное право все равно в итоге лишит достоинства правоты и обесценит заодно даже те ее реальные достижения, которые конституционным властям история поставила бы в заслугу и записала бы в благодарной честной памяти. В этом смысле конституционно-правовая ориентация вполне верна и уместна как основа исследования института главы государства в любых его изводах — от почтенной монархии до отъявленной диктатуры.

Это историко-правовое (по предметному профилю) исследование имеет вместе с тем все основания притязать как на признание в конституционно-правовой компаративистике в рамках этого научного направления, так и в науке конституционного права в широком теоретическом смысле. Более того, понимание монографии предполагает знакомство со сравнительным государственным правом и с его самой известной частью — конституционной компаративистикой, с предметом этого знания, с его понятиями, принципами, системными связями и полезными эффектами. В стороне от сравнительной методологии многое будет упущено в понимании института главы государства, в его генетике и вариативности.

Заметим, однако, что теперь дисциплина иностранного государственного (конституционного) права стала жертвой конъюнктурного поветрия и угодила в юридических вузах под «оптимизацию». Профильные кафедры, деканы и ректоры обращаются с нею так, будто в сравнительном государственном праве водятся лишь иллюстрации, занимательные случаи и диковины, которыми полезно оживить какой-нибудь «настоящий» учебный предмет, где воспитывают юриста «по-настоящему» в полезных «компетенциях» по местному праву. При этом делают вид, будто и сравнительное конституционное правоведение ничего существенно не теряет, а просто вливается в общий курс конституционного права, где и вносит скромную лепту во всеобщую и отраслевую «конституционализацию», чтобы «служить у нее на посылках». Конституционная компаративистика приблизилась к повсеместному упразднению в университетах, и теперь не так-то просто объяснить, почему испанские, в частности, опыты поучительны и важны, в том числе в российском правопорядке, отчего перерывы в монархической государственности или реставрации важны и назидательны в понимании государственности республиканской.

А между тем не только в американских, скажем, президентствах, но и в Испании и в других многих странах Европы эволюция и гомология института главы государства достоверно предъявляют главу республики как довольно скучную репродукцию статуса монарха, изрядно притом развенчанного и будто бы «обезжиренного», прежде всего, от права суверенной (собственной верховной) власти и от некоторых ее достояний, как то иммунитет со свободой от юридической ответственности, неприкосновенность, домен (удел) и другие права государя из двух условных групп (почетных и реальных). В республике такие права не столько пропадают, сколько тускнеют и что-то теряют в основаниях и содержании, иной раз, правда, лишь для того, чтобы в одеждах народовластия президентство заявило себя во всеилии личного господства, вполне адаптированного к республиканскому суверенитету с его определением источника и носителя пленарного права на верховную власть.

И ясно тогда, что большинству народов не обойтись без монархических начал, пусть даже в переработанном — в «снятом» виде. Даже ниспровергая законного государя, нации тут же выказывают, причем безотчетно, государственно-правовые пристрастия, культивированные в монархии. С ними публика и правящее сословие продолжают свои коренные политические влечения в республиканской их обработке. В республиканских настроениях много воодушевления и веры в безгрешную правоту народовластия, с которыми упускают обычно из виду, что народное самодержавие не предрешает ни справедливого закона, ни честной власти, ни простых благ стабильности. Особенно же неверно ждать народного счастья, воздвигая республику на руинах законной монархии, сокрушая отжившее век «самовластье» и уверяя себя, что по «воле народной» можно все устроить и много себе позволить.

Чем дальше, тем хуже удастся народам реставрация правопорядка, особенно монархии, и все меньше шансов на то, что нация, разрушая фундаментальные законные институты, сможет потом вернуться в спокойное гражданское здравомыслие, где у людей снова нормально заработают политико-правовые рефлексy. Скорее можно представить бестолковую реставрацию в попытке вернуть достояния правопорядка, когда разруха для монархии фатальна и угрожает самой политической нации. Так бывает, если та увязла в беззаконии, бесправии и расколе и готова стать материалом чужой государственности, доживая свой век в социальных грезах и разложении, пока не выветрится ее этнический, культурный субстрат, национальная вера и речь.

А сила закона между тем выказывает себя даже в расстройствах и катастрофах правопорядка. Эта сила, больше ли меньше, действует в реставраторских, восстановительных начинаниях, в том числе в полумерах, когда монархические начала получают пристойную реализацию в умеренно-сбалансированном президентстве. Нередко, однако, все оборачивается заносчивым императорством, каудилизмом, вероломными регентствами и хунтами, которые присваивают власть с обещанием скоро ее уступить по законному назначению, откладывают уступку до бесконечности и притом не могут себя увековечить в законном господстве.

Объективное исследование в сравнительно-историческом русле не оставляет сомнений в том, что монархия по сию пору не блажь и не выдумка, а правомерное и состоятельное основание законной государственности, не менее надежное во всяком случае, чем другие формы и основания. Анализ, представленный в монографии Т. А. Алексеевой, непредвзято о том свидетельствует. К нему уместно добавить, может быть, то замечание, что под сенью долгих законных монархий неплохо сохраняются не только демократии, но и простое народное благополучие, что предпосылки безопасности и спокойствия при них не хуже, чем среди народов, которые решительно и беззаконно свои монархии разрушили. Со временем выясняется, что они много себе позволили в чаяниях и мечтах об иной справедливости и слишком надеялись на власть, раскованную от права, позволяя господствовать ей над гражданской свободой, собственностью, обязательствами и правосудием. Становится ясно, что зря они фантазировали светлые перспективы в расхристанном народном чувстве и напрасно решили устроить все наилучшим образом поверх закона в эмоциональной распущенности под знаменами наукообразного социализма. В таких влечениях и рушат обычно монархию, в том числе уже ограниченную и уравновешенную, где сбалансированные конституционные установления помогают политическому человеку хранить врожденную веру в право.

Скандинавские страны (не считая Исландии), Австралия и Канада, Новая Зеландия и Соединенное Королевство, Бенилюкс и прочие княжества-герцогства — все это монархии, причем с убедительной демократической репутацией — не в пример европейским, латиноамериканским республикам. Конечно, в Италии, на Балканах монархия попустила фашизму и того же сорта течениям, но и те бледнеют в сравнении с оголтелым нацизмом рейха. Республики минувшего века больше всего рисковали демократией, предавали ее в грехах национал-социализма, корпоративизма, каудилизма, изменяли закону в тоталитарных коммунистических увлечениях. Монархии же в этом смысле вели себя заметно спокойнее.

Вот и в Испании XX в. нестойкая и не самая долгая демократия налагается все же на монархические времена и начинается с реставрации. Недаром и теперь этнические части испанской нации остаются в политическом единстве под общей короной — такую государственность им, кажется, проще сохранять и чувствовать, когда король и правосудие не предпочитают галисийцев и астурийцев баскам, андалусийцам или арагонцам, и не ставят кастильцев выше каталонцев. Остались бы они им вместе без короля, притом что парламенту из Мадрида и правительству из Барселоны вменяют иногда предвзятую несправедливость в интересах известных этнических групп.

Даже за пределами Европы, где демократия часто выглядит неубедительно, судьба народов под властью законных монархов Таиланда или Малайзии протекала не так бедственно, как в соседних республиках и хунтах, например, во Вьетнаме, Кампучии и Лаосе, в Индонезии и на Филиппинах, где люди безмерно натерпелись от кровопролитных несчастий и беспорядков. Историко-правовые судьбы монархий в Марокко, Тунисе, Иордании тоже выглядят благополучнее по сравнению с близкими им по географии, этнографии и культуре республиками и деспотиями, соответственно, Западной Сахары, Мавритании, Мали, Алжира, Ливии, Египта, Сирии, Ливана, где государством и народам непрестанно грозят опасные столкновения и где они подолгу вязнут в гражданских войнах, в национальном распаде, в чрезвычайных и военных положениях под насильственной властью. О монархиях Залива можно сказать несколько больше, чем об их нефтеносных республиканских соседях из одного арабо-курдо-персидского ареала, и, скажем, Ирану, Ираку или Йемену трудно удержать в покое религиозно-политические, этнические, шиито-суннитские, в частности, разногласия и самим удержаться от разнузданного насилия.

Но не станем обострять драматические эти обобщения, чтобы предполагаемые достоинства монархии не омрачали недоверием республику и гражданственность ее населения. Вместо этого предположим, что народы, например в Непале или Афганистане, прозябают в беззаконии не от неверности праву, а по несчастью, и монархию теряют не от измены, а из-за беспорядков в самой династии, с которыми совпадают к тому же иностранные вмешательства, религиозное ожесточение и племенная рознь. Между тем если и видеть в этом трагическое сгущение зла из разных концов общей драмы, то и тогда все выглядит многозначительным и назидательным в том смысле, что прочность права небеспредельна и закон сам собою среди людей не удержится, если они не согласны тратить на его защиту и восстановление.

Не о том, разумеется, речь, чтобы вслед за Испанией народы реставрировали утраченные монархии. Так, может быть, и вернее было строить и восстанавливать пострадавший правопорядок, но теперь все меньше наций, которым доступна монархическая государственность. Разрушенную же монархию нельзя произвольно воссоздать, чтобы себе во благо пользоваться ее преимуществами, лишь только заблагорассудится и по мере надобности. Обстановку, в которой она возможна, разрушить не очень трудно, но восстановить потом непросто или невозможно, особенно через долгое время. В Болгарии, например, и теперь еще не остыли, наверное, настроения к реставрации, но из них уже ничего не выйдет, кроме ностальгии среди безнадёжного политического меньшинства.

Падения и трудные реставрации монархии, как в испанском случае, поучительны в том, что они наглядно передают риск потерять саму возможность возобновления закона и права, угрозу окончательной утраты государственных институтов. Этот урок истории доходчиво, кажется, изложила уже на исходе Первой мировой войны, когда вдруг вышло так, что иные из народов уже не могут учредить монархии, хотя еще в прошлом веке их восстанавливали и даже заново создавали. Финляндия, например, не столь уж виновная, кстати, в утрате царствующей династии, пробовала себя продолжить в монархии и учредила даже регентство, но тщетно искала нового государя, да так и не нашла.

Квалифицированные кандидаты на королевство отпали, а трон запустел, вынуждая финнов объявить непрошенную республику, причем с диктаторскими повадками на первых порах. И Венгрия ждала между мировыми войнами короля, пробавлялась регентством, пока наконец не истощила все законные перспективы монархии.

В этом смысле Испания, как это следует из монографии, являет собою редкий случай, когда и династия, и законная монархическая традиция не совсем еще пресекились и можно было в правопорядке их возобновить. Но и здесь перерывы даром не обошлись, так что продолжение этой монархии в перспективе не смотрится так убедительно, как скандинавские, например, королевства — не вполне беспроблемные, но все же довольно уверенные на вид с их династиями, которые длятся без перерыва больше века и даже двух.

Но всего поучительнее, конечно, печальный урок народного посягательства на право в образе монархии. Беззаконие нипочем на монархии не остановится и непременно будет рушить другие капитальные институты. С опытом беззакония и со вкусом к нему люди исполняют свои влечения и в простых бесчинствах, и в больших соблазнах национальной, исторической, пролетарской или еще какой-нибудь справедливости, чтобы в ожесточении сеять рознь, получать отовсюду врагов и поражать сограждан в правах, отнимать имущества, упразднять торговлю и вытеснять на обочину жизни гражданский оборот. Тогда взамен гражданской верности закону выпускают на волю политическую директиву и разнузданный «административный восторг» с планами и приказами от начальства, с тихими радостями отчетности и выслуги лет. Понемногу выходят из дела и теряют значение юридические формы, электоральные и парламентские процедуры, титулы прав, корпоративные одежды, «пустая обрядность» правосудия и прочие достоинства правовой цивилизации. С ними отпадают и гарантии от незаконной репрессии, которая себя являет в ожесточении или умеренной благовидности, чтобы меньше пугать свирепостью, но непременно через рамки права, чтобы не позволять закону держать в границах народно-государственную политическую волю, фискальный интерес и административное благоусмотрение.

От подобных наклонностей не поздоровится ни монархии, ни республике, где «святости» и закона уж точно не больше, а совершенства нет и подавно, потому что оно не водится ни в какой государственности. Республика не меньше монархии уязвима и в исходных основаниях, и в технике власти, и в неловких своих деяниях. Благополучное долголетие государственности и права обусловлено предшествующим поведением народа, прочностью, качеством гражданских навыков и тем, что люди в состоянии их в себе удержать, гражданской привязанностью к институтам и правилам и решимостью за них постоять, не потерять, не уступить их в бесчувствии, малодушии и угодливости.

Не впрок республиканские блага будут гражданам, когда среди них, в их парламенте и в суде возобладает заодно с «общей волей», скажем, вера в разящий «меч революции», в пролетарскую и социалистическую «законность» и во что-нибудь еще колюще-режущее, пусть даже условно мирное, как, например, «проницающая ответственность», которой нипочем «корпоративные вуали», сроки давности, законность владений и сделок, презумпции добросовестности и невиновности. Если в республиканском духе такие убеждения и повадки разоряют монархию, то с нею вместе они угнетают и все право до основ. Ни верховенство права, ни покорность закону не устоят, когда людям дороже их благопожелания и намерения, нежели институты, правила и обязательства, когда верх берет целесообразность, например, в «телеологическом» (направленном) толковании, которое с предрешенным итогом трактует закон по благовидной какой-нибудь цели. Тогда и в суде вместо честной состязательной справедливости и законного доказательства поселится и будет господствовать, например, концепция «общей справедливости решения», где правила доказывания не главное и дефектные доказательства простительны, потому что судебный акт в итоге следует решающей интуиции — той, которая пронизательно и как бы «от сердца» определяет виноватого и безвинного, раздает строгости и снисхождения, хотя бы это и напоминало кому-то предвзятую отсебятину и произвол.

Вместе с телеологией давно угнездился в праве и вошел уже в силу тот философствующий «эссенциализм», который пронизает будто бы самую суть политико-правовых вещей, владеет ею и прямо из нее все готов решать, переступая «несущественные» частности права. Так и республику он «в сущности» видит в бесспорных, пусть и недоказанных преимуществах, а в монархической власти, соответственно, распознает «по сути» лишь ветхий мрак и порок, чтобы отказать ей в законном признании. Он и в других законных установлениях уважать будет лишь «сущность», а в гражданских правах — «ядро», определяя все это по вкусу из преобладания «сущности» над формами, правилами и процедурами, чтобы при случае отказать им в достоинстве и признании. И не только монархия, но, например, границы чужой собственности и свободы, парламентские и судебные ритуалы то и дело мешают что-то «существенное» и благое предпринять, и достичь, и сделать что-нибудь значительное «по сути» настолько, что не остается иного, как переступить и пренебречь. В эссенциальных влечениях условности права кажутся невзрачными и неуместными именно «по сути» на пути к торжеству прогрессивных целей и главных ценностей, преимущества которых, однако, тоже определяют по вкусу и настроению, как в «телеологии».

Исследование Т. А. Алексеевой внушит и докажет, что вольное и небрежное обращение с государственно-правовыми институтами обходится дорого людям, сословиям и народам. Как ни отвлекайся они от закона, от обязательства и процесса, суда и гражданской свободы, а все равно в итоге все когда-нибудь ищут в них защиты и важных решений. И чем смелее обходятся люди со своими правопорядками и конституциями, уступают властям свои права и правила, чем больше верят они политической воле со способностью творить от себя право и правду, тем вернее

им будет отказано в покровительстве закона и в правосудии на каком-нибудь «конкретно-историческом этапе общественного развития».

Обобщение политико-правовых смыслов, которые собрались когда-то и сложились в понятие главы государства, само по себе говорит о том, что люди, народы насущно нуждаются в законной власти. Иначе это понятие не укоренилось бы в политической практике и юридической лексике так основательно и широко. С некоторых пор без него уже не обойтись хотя бы потому, что само выражение «глава государства» источает легитимность. Его пускают в дело, чтобы, например, президента определить вровень с государями в общем ряду законных правителей, обозначить его законность не только в силу условного народного изволения, но и в том смысле, что президент выдят в родовом единстве с монархами, где они вместе являют собой почти «то же самое». Это родство, обеспеченное законностью в силу традиции, было насущно когда-то и необходимо новой главенствующей власти, пусть даже республиканское президентство и выказывало себя наособицу как институция из одной лишь народной воли.

Понятно, что от народно-волевой этой мощи много соблазна восстать над законом ради общего государственного интереса. Этой силы, однако, как она ни внушительна, всегда почему-то мало для окончательного господства народовласти и правящей воли над законом, которые в итоге не могут ни превзойти закон, ни обойтись без него в статусе государственного владыки. Недаром по Конституции 1852 г. новоявленного президента Франции определили именно главой государства (ст. 6), чтобы поставить вровень с королями, зачисляя их всех в одну «породу». Затем, упраздняя неубедительное, как выяснилось, президентство, чтобы возвести властвующее величие на недосыгаемые имперские выси, опять посчитали за благо вписать уже самого императора в семейство законных глав государства. В императорском блеске и президентство, и монархия безнадежно, казалось, поблекли, а все же Франция приняла «сенатус-консульт» от 21 мая 1870 г., где ст. 14 записала императора в разряд глав государства, чтобы не уступить «простым» правителям в достоинствах законности. Правда, во французских той поры было так много имперского величия и веры в себя, что вразумить и принудить к закону нацию могло, наверное, лишь успокоительное моральное поражение, которое Франция тут же и получила, перепуганная и обесчещенная на войне, в бесчинствах Парижской коммуны и в крушении самой империи. Этот важный эпизод не остался без внимания в монографии Т. А. Алексеевой.

Испанская история главы государства ярко отмечена затыжками беззакониями в его судьбе, и монография познавательна и поучительно представляет законную версию этого института в решительных отличиях от незаконного правителя. Все они, правда, по структурно-функциональной части попадают в общий таксон «главы государства», что и позволяет им «знать свое место» среди институтов верховной власти, но такая их общность мало что меняет в том смысле, что в рамках права законные главы и узурпаторы отстоят друг от друга как антиподы. Во всяком случае в юридическом и гражданственном смысле именно эта разница все собою определяет. Она имеет капитальное значение отдельно от иных важных критериальных признаков, не говоря уже об условно-оценочной стороне, где временами преобладают простодушные представления о доблестях и заслугах правителя, его оплошностях и пороках. Все это одобрение и порицание иногда мешает отделить правомерную власть от «благотворной» или «эффективной» узурпации, которая, впрочем, не так эффективна, а скорее эффектна, и не столько приносит подданным благо, сколько скрывает свои врожденные и нажитые пороки, пользуясь беззаконной свободой. А между тем ни слава побед, ни свирепость репрессий, ни многолетие не перевесят и не заменят легальности.

Законный же глава государства, даже если его умеренное правление кажется населению невнятным, неэффективным и невыразительным, не останется во всяком случае беззащитным под сенью закона, который не позволит не считаться с его правами и безбоязненно отнимать у него законную власть. Посягательства на эту власть закон сделает преступными и навсегда омрачит узурпацию. И с другой стороны, даже «правительственная хунта» отмечена будет знаками правомерности, если ей законный монарх «повелит приступить к исполнению всех функций суверена», как это было в Испании, и, конечно, если она бы осталась в рамках полученного мандата.

В этой важной тематике автор монографии придает значение тому обстоятельству, что признание главы франкистского государства как института национальной высшей власти вошло в само законодательство Испании, причем под титулом «основных законов». Вместе с тем в положениях конституции места каудильо (вождю) не нашлось, что и оттеняет противоправный внеконституционный смысл узурпации. Она отзывается неисправимыми последствиями в деяниях институтов, учрежденных и действующих вопреки смыслам и правилам конституционного права.

Из этого следует, что принятие законодательных распоряжений даже под титулом «основного закона» не покрывает беззакония и не отменяет его последствий, когда конституционно-правовые пороки фундаментальны и неисправимы. Здесь же нелишне учесть ту нехитрую истину, что не все записанное и объявленное как основной закон предпрещает и создает конституцию. Само по себе написание основных законов (учредительных актов, низамов, деклараций и т. д.) не даст народу конституцию, не позволит ее изложить и вселить конституционное право среди людей, пока и если в законодательной письменности есть установления, неприемлемые для конституционного права как по смыслу, так и ввиду их порочного происхождения. Таким и был каудилизм, попытка которого легализовать себя в основных законах по-прежнему сомнительна, как и значительная народная поддержка. С тем и остается заключить, что конституции не бывать, сколько ни пиши основных законов, если подданные признают беззаконную власть, участвуют в беззаконии и терпят бесправие над собою и вокруг себя.

Историко-правовое исследование представляет испанскую государственность и конституцию в том, как они натерпелись от франкизма, социализма, анархии и от их законодательства, включая «основные законы». В наблюдении этом выдает себя в неправде неисторичное и небезобидное заблуждение, когда конституцию определяют и трактуют непременно как «основной закон государства». Вопреки седой и новой истории эта трактовка внушает, будто и в самом деле конституция сложилась в написании державного законодательства и будто впредь конституционным актом можно считать любое законодательное изъятие, лишь бы оно учинило что-нибудь внушительное в государстве. В этом неверном свете конституция и в самом деле привидится даже в том, как военные вручают своему вождю и хунте верховную власть, да и в любом беззаконии, которое запишут в осново-законном обличье. Так и абсолютизму немудрено приписать конституцию.

Поэтому кажется спорным решение автора поместить в главу о «Конституционном оформлении королевской власти» подзаголовок: «От абсолютной монархии к конституционной». Ведь абсолютизм предшествует конституции и отпадает по мере «конституционализации», ибо она связывает монарха ограничениями в пользу подданных, прекращая тем самым абсолютную власть. Это относится, видимо, и к Испании с уважительными, конечно, оговорками насчет традиции кортесов и региональной самостоятельности. И все-таки разве может абсолютная монархия участвовать в конституционном оформлении власти, если абсолютизм и конституция противоположны? Небольшая эта интрига имеет решение в указанной главе, которую стоило бы прочитать, как и всю монографию Т. А. Алексеевой.